
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т.П. Млечко

Кафедра славянской филологии
Славянский университет в Республике Молдова
ул. Флорилор, 28/1, Кишинев, Республика Молдова, МДА-2075

В статье рассматривается проблема своеобразия типологических разновидностей феномена *языковая личность* в плане специфики их изучения. Автором дан аналитический обзор основных типов языковой личности, особенностями которых предопределены различия в подходе к их реконструкции, в частности охарактеризована специфика воссоздания типичного портрета языковой личности в зависимости от количества прототипов и от регистра обобщения, а также составлен актуальный перечень лингвистически релевантных личностных индексов. В качестве примера автор, на основе собственного исследовательского опыта, представляет составляющие комплексного подхода к изучению типологических характеристик новой разновидности русской языковой личности, сформировавшейся на рубеже XX—XXI вв. в инонациональном социуме ближнего зарубежья.

Ключевые слова: языковая личность, типология, индивидуальная и совокупная языковая личность, комплексный метод, ближнее зарубежье.

За период постоянного внимания исследователей к феномену языковой личности (далее — ЯЛ) выявлено и описано множество его реализаций в различных контекстах: историческом, художественном, социальном, виртуальном и других. В рамках разработки теории языковой личности и в ходе ее применения на практике фигурируют в качестве описываемых объектов авторы и герои отдельных произведений, реальные исторические фигуры разных эпох, представители различных видов деятельности и социальных сред, включая среду виртуального сетевого web-пространства.

С учетом многообразия описанных ЯЛ закономерен интерес к вопросу об их организованном единстве, о типологии, о систематизации разновидностей ЯЛ по тому или иному принципу. Самый общий из них положен в основу словарного определения, которое дает энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи», представляя изначально сложившееся разнообразие подходов в виде слагаемых единого понятия. «Языковая личность — носитель того или иного

языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [10. С. 104].

Здесь нами ЯЛ будет рассмотрена более подробно во втором из выше перечисленных значений термина, то есть как «типовой представитель данной языковой общности, совокупный или усредненный носитель данного языка». Предпочтение обусловлено не только актуальностью задачи, но и ее новизной, так как набор составляющих и особенности реконструкции такой ЯЛ не подвергались пока специальному изучению. Нам представляется это важным как в плане уточнения обозначения «типовой представитель», так и с целью обоснования специфики практического описания (реконструкции) языковой личности, которая является неким обобщением, абстрактным представителем языкового сообщества, собираемым образом множества языковых личностей.

Несмотря на то, что отмечается некоторое противоречие (алогичность) в расширительном толковании ЯЛ применительно к коллективу (группе, сообществу, социальному слою и др.), тем не менее, традиционно рассматривается *индивидуальная и коллективная* языковая личность. Это восходит к началу прошлого века, в частности, к работе Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (1927), в которой понятие личности рассматривается в единстве и противоположности двух его сторон — «частночеловеческой» и «многочеловеческой» (частнонародной и многонародной), «симфонической» личности [8. С. 7]. В развитие данной идеи В.П. Нерознак обозначает язык народа и конкретного его представителя как «многочеловеческую (полилектную)» и «частночеловеческую (идиолектную)» ЯЛ [15. С. 16].

Противопоставление двух форм существования исследуемого феномена признается авторами многих современных работ: наряду с ЯЛ конкретного индивида фигурируют такие номинации как «абстрактная ЯЛ», «коллективная ЯЛ», «совокупная ЯЛ», «групповая ЯЛ», «типовая ЯЛ». Существует также обозначение «модельная личность». Оно предложено к употреблению В.И. Карасиком как лингвокультурный концепт и один из возможных подходов к изучению языковой личности, предполагающий выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, это русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Модельная личность представляет собой прототипный образ, границы которого весьма вариативны» [6. С. 10].

Характеризуя в качестве объекта описания «многочеловеческую ЯЛ», обратим внимание на позицию Е.В. Иванцовой относительно отражения в термине количества прообразов ЯЛ, поскольку это дает основания дополнительно акцентировать

ровать данный немаловажный с «технологической» точки зрения аспект. Так, исследователь считает, что «перспективы использования термина *языковая личность* связаны с обозначением конкретного носителя языка. В прочих случаях точнее было бы говорить о типах языковых личностей» [4. С. 29].

Действительно, в одних случаях ЯЛ отдельного индивида, *усредненного* типичного представителя определенного времени и/или социума, избирательно описывается в качестве *типа языковой личности*, в других случаях типичная ЯЛ является собирательным образом множества индивидуальных ЯЛ, то есть *типом языковых личностей*. Хотя термин в таком виде не получил широкого распространения, тем не менее упоминание о нем уместно для того, чтобы обратить внимание на разницу в процедуре выявления характеристик искомой ЯЛ, то есть в методике исследования типичного на базе одного прототипа и на базе некоего множества прообразов.

Важно отметить, что, отталкиваясь от единичного прообраза, можно выявить на его вербальной основе не только индивидуальную, но вместе с тем и типичную ЯЛ. Это связано с установкой исследования. На одном и том же оригинальном речевом материале, например, письменных текстах Петра I [3] или текстах публичных выступлений У. Черчилля [9], в зависимости от цели и акцентов исследования, можно представить и индивидуальные особенности данных языковых личностей, и типичные характеристики ЯЛ государственного деятеля, и специфику ЯЛ носителя определенного языка в определенном историческом времени. Так, например, в монографии Н.И. Гайнуллиной «Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания)» [3] рассматривается проблема языковой личности в аспекте истории русского литературного языка, материалом для чего служит обширный эпистолярный Петра Великого. Следовательно, от одного источника-прототипа возможен путь как к образу конкретной ЯЛ, так и к ЯЛ «типичного представителя».

При опоре на некое множество прообразов путь к *типу языковых личностей*, которому присущи такие свойства, как абстрактность, безличность, собирательность, эталонность, предполагает иную методику исследования и реконструкции, что напрямую связано с выявлением типологических черт ЯЛ на базе ее разнообразных индивидуальных репрезентаций.

Таким образом, при создании или воссоздании совокупного образа ЯЛ особую роль играет нивелирование индивидуальных признаков в пользу акцентирования типичных.

Однако не только количество прототипов определяет методику воссоздания ЯЛ. Так, собирательный образ ЯЛ может содержать в себе *реально* существующие признаки определенной группы лиц или, напротив, желательные (обязательные, образцовые), которыми должны *в идеале* обладать ее члены. Второй подход характерен для целеполагания в лингводидактике, например, при определении лингвориторического идеала как фактора становления профессиональной языковой личности будущего учителя [22], при формировании ЯЛ профессионального переводчика [2], поликультурной ЯЛ [20] и т.д. Идея ЯЛ в качестве именно такой лингводидактической абстракции изначально выдвигалась и разработана Г.И. Богиным [1].

Объективно существующие различия в ипостасях феномена ЯЛ предполагают соответственно разные методики и технологии конструирования/реконструирования ЯЛ, что позволяет также по их специфике дифференцировать такие разновидности, как *реальная ЯЛ* и *эталонная ЯЛ*. Использование обозначения *реальная ЯЛ* говорит об исследовании ЯЛ конкретного лица или некоего количества реальных прототипов, хотя и в этом случае предполагается определенная доля научной абстракции.

В совокупности *реальных ЯЛ* можно обозначить подтип *собственно реальных ЯЛ* и подтип *вымышленных ЯЛ*. Ко вторым относятся ЯЛ, тоже существующие, но в виде художественной реальности, как, например, реконструированный на базе текстов литературных произведений речевой портрет государственного служащего (чиновника) [17], ЯЛ женских образов [21] и другие.

Собственно реальная ЯЛ и *вымышленная ЯЛ* различаются между собой характером их бытования, степенью полноты и стабильности отличительных черт. Художественный образ ЯЛ сразу весь в распоряжении исследователя, тогда как реальная ЯЛ никогда полностью «не просматривается».

При этом важно отметить, что есть вербальное пространство ЯЛ, которое доступно для наблюдения только на литературном материале. Так, духовный облик персонажа в художественном тексте можно воссоздать на основании интериоризированной (внутренней) речи. А.С. Пардаев демонстрирует этот достаточно распространенный литературный прием на интересном примере языковой личности Привалова, героя произведения С.П. Залыгина «Борис Борисович — самоубийца». В нем, как отмечает исследователь, представлена только внутренняя речь героя, в которой соответственно «очень мало дефиниций, практически нет предложений и собственных афоризмов, отсутствует анекдот, нет языковой игры, шуток, тестов, не используются лозунги, нет стихов» [18. С. 249].

Среди вымышленных языковых личностей в художественном дискурсе выделяют *ирреальную ЯЛ*. К таковым относят, например, сказочную ЯЛ, которая, по замечанию В.П. Нерознака, отличается конвенциональностью (условностью) речи и, что важно в аспекте нашей темы, это особое направление лингвоперсонологии видится как «исследование ирреальной ЯЛ, верифицируемое методологией изучения реальной ЯЛ» [16. С. 230].

Действительно, несмотря на предопределенную тем или иным типом разницу в наборе и процедуре выявления характерных показателей любой ЯЛ принципиальная схема ее реконструкции изначально заложена уже в самой структуре ЯЛ, которая была предложена Ю.Н. Карауловым и практически однозначно воспринята научным сообществом. Это широко известная триада, включающая: *вербально-семантический уровень*, или лексикон, «понимаемый в широком смысле, то есть включающий и фонд грамматических знаний личности; *лингво-когнитивный уровень*, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире; *мотивационный*, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности, то есть систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [7. С. 238].

Каждый из уровней имеет характерный набор вербальных репрезентаций, через выявление конкретного наполнения которых просматривается самобытный облик ЯЛ как отдельного индивида, так и определенного сообщества. В этой связи отметим конструктивно значимое предложение В.И. Карасика о введении обозначения *лингвистически релевантных личностных индексов*, особенность которых «состоит в том, что они проявляются очень часто и помимо воли, с одной стороны, и весьма ограничены количественно, с другой» [6. С. 13]. В этом ряду первые позиции занимают лексические и фразеологические индексы принадлежности человека к той или иной группе, прецедентные тексты афористика, топонимы-лого-эпистемы и др. Такими индексами могут выступать характерные для одного человека и типичные для группы отклонения от нормы на всех уровнях языка, в частности фонетическом, а также диалектизмы и социолектизмы.

К числу показательных элементов в дискурсивной практике ЯЛ принято относить определенный набор ключевых слов, образных выражений, ассоциаций, словесных формул и клише, единиц речевого этикета, дискурсивных слов, выражающих субъективную модальность.

Важны также стилистические предпочтения и характерные модели высказывания, эмоциональные и оценочные коннотации, разнообразные стереотипы, выбор рече-поведенческих тактик и «культурных сценариев». При воссоздании речевого портрета все лингвистически релевантные личностные индексы связаны с определенным уровнем в структуре ЯЛ и во взаимосвязи дают целостное представление о специфике реконструируемого образа той или иной ЯЛ.

Помимо структурного представления ЯЛ как феномена на сегодняшний день нет и трудно сказать, может ли и должен ли существовать универсальный алгоритм описания ЯЛ. Анализ работ, посвященных реконструкции ЯЛ, показывает, что не всегда целью является ее полное описание на всех уровнях, а только ее характеристика по отдельным *приметам* (признакам), которых может быть больше или меньше. Существует даже практика *частичного* описания ЯЛ. Так, Т.Ю. Яровая в статье «Языковая личность И.А. Бунина в зеркале антропонимии его произведений» анализирует антропонимы «бунинской прозы как важнейшего элемента его литературно-художественного стиля и фрагмента ЯЛ великого писателя» [23. С. 454].

Действительно, используемые И.А. Буниным русские имена и исторические, фольклорные и мифологические, писателей и их литературных персонажей, дают определенное представление об интеллектуальном и мировоззренческом, этическом и культурном, эстетическом и социально-историческом аспектах индивидуальности писателя. Нередко описание осуществляется путем сравнительного анализа, то есть с подспудной ориентации на инвариант русской ЯЛ и ЯЛ носителя другого языка, например, английского [12], французского [19], японского [14], вьетнамского [11] и других языков. Наряду с интересом к национальной ЯЛ в эпоху интенсивной межкультурной коммуникации особое внимание исследователей привлекает вторичная языковая личность, ее формирование и ее влияние на ЯЛ носителя не одного языка, что тоже предполагает определение особенностей подход к их изучению.

Для систематизации и интерпретации репрезентативного лингвистического материала важен также выбор регистра обобщения, который весьма широко варьируется и устанавливается сообразно объекту и цели типизации. Чем выше этот регистр, тем сложнее, на наш взгляд, комплекс исследовательских приемов, которые обеспечивают достоверный результат. Так, проведение нами исследования [13], посвященного установлению отличительных характеристик новой типологической разновидности, а именно сформировавшейся за последние четверть века в основных своих чертах русской языковой личности ближнего зарубежья, потребовало включить в этот комплекс целый ряд составляющих. В него вошли такие компоненты, как описание трансформаций экстралингвистического и общего языкового контекста данного ареала русского мира.

Мегаконтекст бытования реальной ЯЛ в поликультурном и иноязычном социуме предопределил высокий регистр типизации, то есть такой уровень обобщения, который не затрагивает частностей каждой страны постсоветского зарубежья, а обобщает сходные черты в облике ЯЛ носителя русского языка в них.

При этом для выявления этих черт на частном примере отдельно взятой Республики Молдова нам потребовалось использование разнообразных способов и источников получения конкретной информации. В их числе: 1) языковые биографии представителей русскоязычного сообщества, 2) тексты записанных на диктофон интервью с ними, 3) отдельные индивидуальные речевые портреты типичных представителей референтной группы, 4) речевой паспорт конкретных прототипов, 5) тематические тесты, опросы и эксперименты (включая ассоциативный), нацеленные на выявление и уточнение отдельных показателей, 6) тексты, продуцируемые членами исследуемого сообщества в естественных ситуациях коммуникации и вербальной самореализации. Имеются в виду в том числе художественные тексты, а также публичные тексты, ориентированные на русскоязычную аудиторию, например, авторские материалы в СМИ и фрагменты иных дискурсивных практик.

Важно отметить как теоретически и практически важный момент при выборе высокого регистра обобщения для описания собирательного образа ЯЛ потенциальное наличие в нем внутренней классификации, отражающей вариативность совокупной ЯЛ в гендерном, социально-профессиональном, культурно-образовательном, территориальном плане, а также различий по степени концентрации (плотности) репрезентативных характеристик. Наиболее наглядно это положение демонстрируют работы по проблемам формирования вторичной языковой личности, где фигурирует в качестве точки отсчета *сильная языковая личность*, что влечет подразделение ЯЛ на *сильную ЯЛ*, *усредненную ЯЛ* и *слабую ЯЛ*. В связи с этим рассматриваются языковые единицы и средства, речевые стратегии и тактики, отражающие признаки и свойства сильного, усредненного и слабого типов языковой личности [5].

Рассмотрев с теоретических позиций и в плане практического применения проблему дифференцированного подхода к воссозданию различных типов ЯЛ, можно сделать следующий вывод.

Большое количество выявленных и описанных языковых личностей дает основания отметить тот факт, что единый феномен, который, как правило, разнится в своих проявлениях, требует соответствующего внимания и специфицирует подходы к изучению его различных модификаций. В отношении ЯЛ исследователь, с одной стороны, во всех случаях имеет дело с трехуровневой структурой ЯЛ, с другой — выявление характера ее наполнения определяется и осуществляется по-разному. Эта разница при воссоздании портрета ЯЛ касается изначальной установки на учет бинарной оппозиции *ЯЛ конкретного прототипа и совокупной ЯЛ*, базовые характеристики описанных типологических разновидностей, многообразие лингвистически релевантных индексов, различные регистры обобщения, предполагающие в том числе дальнейшее дробление на подтипы, а также необходимость комплексного подхода к выявлению и реконструкции собирательного образа языковой личности, включающего целый ряд обязательных составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Богин Г.И.* Современная лингводидактика. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980.
- [2] *Бушев А.Б.* Языковая личность профессионального переводчика. — Тверь, 2010.
- [3] *Гайнуллина Н.И.* Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). — Алматы: Казахский ун-т, 2002.
- [4] *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного ун-та. — 2010. — № 4 (12). — С. 24—32.
- [5] *Кадиллина О.А.* Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики (на материале текстов Д. Карнеги): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2011.
- [6] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
- [7] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [8] *Кн. Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня. Слово Текст. Культура. — М., 2003. — С. 7—12.
- [9] *Кричун Ю.А.* Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей У. Черчилля): Дисс. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2011.
- [10] *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник.* — М.: Флинта: Наука, 2003.
- [11] *Ле Дык Тху.* Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании: На материале русской и вьетнамской культур. — М., 2003.
- [12] *Летова А.Д.* Лингвокультурологический концепт «Английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- [13] *Млечко Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья. — Кишинев, 2013.
- [14] *Недосугова А.Б.* Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и японском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
- [15] *Нерозник В.П.* Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. — М., 2003. — С. 13—17.
- [16] *Нерозник В.П., Калинин О.Г.* Ирреальная (сказочная) языковая личность как проблема лингвистической персонологии // Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. — М., 2003. — С. 228—231.

- [17] *Панова М.Н.* Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: Дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2004.
- [18] *Пардаев А.С.* К проблеме языковой личности. — Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17—23 сентября 2007 г. — NERON PRESS, SOFIA, 2007. — С. 248—250.
- [19] *Рапопорт Н.В.* Лингвокультурологический концепт «Французская национальная личность»: Дисс. ... канд. филол. наук. — Уфа, 1999.
- [20] *Халытина Л.П.* Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: Дисс. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2006.
- [21] *Хачмафова З.Р.* Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Ставрополь, 2011.
- [22] *Юрьева А.В.* Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя: Дисс. ... канд. пед. наук. — Сочи, 2002.
- [23] *Яровая Т.Ю.* Языковая личность И.А. Бунина в зеркале антропонимии его произведений. — Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17—23 сентября 2007 г. — NERON PRESS, SOFIA, 2007. — С. 449—455.

A DIFFERENTIAL APPROACH TO THE STUDY OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A 'LINGUISTIC IDENTITY'

T.P. Mlechko

Department of Slavonic Philology
Slavonic University in the Republic of Moldova
Florilor str., 28/1, Cisinău, Moldova, MDA-2075

The article examines the problem of identifying the typological characteristics of a “linguistic identity”. An analytical overview of the main types of “linguistic identity” brings out the differences in the approach to their reconstruction. Using research experience, the author, as an example, puts forward the components of an integrated approach to the study of typological characteristics of the new Russian “linguistic identity” that has emerged at the turn of the XX—XXI century in the CIS countries.

Key words: linguistic personality, typology, individual and cumulative linguistic personality, integrated method, the near abroad.

BIBLIOGRAPHY

- [1] *Bogin G.I.* *Sovremennaya lingvodidaktika* [Contemporary Linguodidactics]. — Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1980.
- [2] *Bushev A.B.* *Yazykovaya lichnost' professional'nogo perevodchika* [Linguistic Personality of the Professional Translator]. — Tver', 2010.
- [3] *Gainullina N.I.* *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opy't diakhronicheskogo opisaniya)* [Linguistic Personality of Peter the Great (The Experience of Diachronic Description)]. — Almaty': Kazaxskii un-t, 2002.

- [4] *Ivanczova E.A.* O termine “yazy’kovaya lichnost’”: istoki, problemy’, perspektivy’ is-pol’zovaniya [About the Term “Linguistic Personality”: Origins, Problems, Aspects of Use] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo UN-ta. — 2010. — № 4 (12). — P. 24—32.
- [5] *Kadilina O.A.* Sil’naya/slabaya yazy’kovaya lichnost’: kommunikativno-pragmaticheskiye karakteristiki (na materiale tekstov D. Karnegi) [A Strong/Weak Linguistic Personality: Communicative-pragmatic Characteristics (D. Carnegie’s texts)]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2011.
- [6] *Karasik V.I.* Yazykovi krug: lichnost’, koncepty’, diskurs [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. — Volgograd: Peremena, 2002.
- [7] *Karaulov Yu. N.* Russkii yazy’k i yazy’kovaya lichnost’ [Russian Language and Linguistic Personality]. — Moscow: Nauka, 1987.
- [8] *Kn. Trubeczkoy N.S.* K probleme russkogo samopoznaniya [On the Question of the Russian Self-actualization // Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. — Moscow, 2003. — P. 7—12.
- [9] *Krichun Yu.A.* Yazy’kovaya lichnost’ politicheskogo deyatelya: diskursivny’ye karakteristiki (na materiale rechi W. Cherkhilya) [Linguistic Personality of the Political Leader: Discourse Characteristics (W. Churchill’s speeches)]: Diss. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2011.
- [10] *Kul’tura russkoi rechi: E’nciklopedicheskii slovar’-spravochnik* [Culture of the Russian Language: Encyclopaedic Dictionary]. — Moscow: Flinta: Nauka, 2003.
- [11] *Le Dy’k Txuu.* Nacziional’naya yazy’kovaya lichnost’ v sravnitel’no-sopostavitel’nom lingvokul’turologicheskom opisani: na materiale russkoj i vietnamskoj kul’tur [National Linguistic Personality in Contrastive-comparative Linguocultural Description: the Russian and Vietnamese Culture s]: Diss. ... kand. filol. nauk. — Moscow, 2003.
- [12] *Letova A.D.* Lingvokul’turologicheskij koncept “anglijskaya nacziional’naya lichnost’” v sopostavitel’no-kontrastivnom opisani aforistiki [Linguocultural Concept “English National Personality” in Comparative-contrastive Description of Aphorisms]: Diss. ... kand. filol. nauk. — Moscow, 2004.
- [13] *Mlechko T.P.* Russkaya yazy’kovaya lichnost’ blizhnego zarubezh’ya [The Russian Linguistic Personality of the Near Abroad]. — Kisinau, 2013.
- [14] *Nedosugova A.B.* Lingvokul’turologicheskoe opisanie nacziional’noj lichnosti v russkom i yaponskom yazykax [Linguocultural Description of the National Personality in the Russian and Japanese Languages]: Diss. ... kand. filol. nauk. — Moscow, 2003.
- [15] *Neroznak V.P.* Lingvokul’turologiya i lingvopersonologiya // Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. Kul’tura [Linguocultural Studies and Linguopersonology // The Tower of Babel. Word. Text. Culture]. — Moscow, 2003. — P. 13—17.
- [16] *Neroznak V.P., Kalinkina O.G.* Irreal’naya (skazochnaya) yazy’kovaya lichnost’ kak problema lingvisticheskoi personologii // Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. Kul’tura [Unreal (fairy) Linguistic Personality as the Problem of Linguistic Personology // The Tower of Babel. Word. Text. Culture]. — Moscow, 2003. — P. 228—231.
- [17] *Panova M.N.* Yazy’kovaya lichnost’ gosudarstvennogo sluzhashhego: diskursivnaya praktika, tipologiya, mexanizmy’ formirovaniya [Linguistic Personality of the State Official: Discourse Practice, Typology, Mechanisms of Formation]: Diss. d-ra filol. nauk. — Moscow, 2004.
- [18] *Pardaev A.S.* K probleme yazy’kovi lichnosti [On the Question of the Linguistic Personality] — Mir russkogo slova i russkoye slovo v mire // Materialy’ XI Kongressa MAPRYAL. Varna 17—23 sentyabrea 2007. — NERON PRESS, Sofia, 2007. — P. 248—250.
- [19] *Rapoport N.V.* Lingvokul’turologicheskij koncept “Francuzskaya nacziional’naya lichnost’” [Linguocultural Concept “French National Personality”]: Diss. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 1999.
- [20] *Xaleapina L.P.* Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul’turnoi yazy’kovi lichnosti posredstvom Internet-kommunikaczii v prozesse obucheniya inostranny’m yazy’kam [Methodological System of Formation of the Multicultural Linguistic Personality through the Internet Communications in the Process of Foreign Language Teaching]: Diss. ...d-ra ped. nauk. — SPb, 2006.

- [21] *Xachmafova Z.R.* Zhenskaya yazy'kovaya lichnost' v xudozhestvennom tekste (na materiale russkogo i nemeckogo yazy'kov) [Women's Linguistic Personality in Fiction (in the Russian and German Languages)]: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. — Stavropol', 2011.
- [22] *Yur'yeva A.V.* Lingvitoricheskiy ideal kak factor stanovleniya professional'noi yazy'kovoï lichnosti budushhego uchitelya [Linguorhetorical Ideal as the Factor of Formation of the Professional Linguistic Personality of the Future Teacher]: Diss. ... kand. ped. nauk. — Sochi, 2002.
- [23] *Yarovaya T.Yu.* Yazy'kovaya lichnost' I.A. Bunina v zerkale antroponimii ego proizvedenij [I.A. Bunin's Linguistic Personality in the Mirror of Anthroponimics of His Works] // *Mir russkogo slova i russkoye slovo v mire. Materialy' XI Kongressa MAPRYAL.* Varna, 17—23 sentyabrea 2007. — NERON PRESS, Sofia, 2007. — P. 449—455.